

6. *Kostanov A. I., Tvarkovskij L. S. Zdes' ne gotovilis' k vojne... (O Mihaile Nikolaeviche Ljapunove) // Gubernatory Sahalina: biograficheskie ocherki. Juzhno-Sahalinsk: Dal'nevost. kn. izd-vo, Sahalin. otd-nie, 2000. 391 s.*
7. *Kratkoe opisanie Dal'nego Vostoka i prilegajushchih k nemu oblastej Severnoj Man'chzhurii i Severnoj Korei. Habarovsk: Tipografija kantseljarii Priamurskogo general-gubernatora, 1912. 102 s.*
8. *Letopis' Amurskoj oblasti. (Hronika sobytij s drevnejshih vremen do oktjabrja 1917 g.). T. 1. Blagoveschensk: Amurskaja pravda, 1998. 98 s.*
9. *Lukojanov I. V. «Ne otstat' ot derzhav...» Rossiya na Dal'nem Vostoke v kontse XIX — nachale XX veka. SPb.: Izd-vo «Dmitrij Bulanin», 2008.*
10. *Nadarov I. P. Vtoroj Habarovskij sjezd gubernatorov i drugih predstavitelej 1886 goda. Vladivostok: Tipografija shtaba portov Vostochnogo okeana, 1886. 79 s.*
11. *Natsional'nye okrainy Rossijskoj imperii: stanovlenie i razvitie sistemy upravlenija / Otv. red. S. G. Agadzhanov, V. V. Trepavlov. M.: Slavjanskij dialog, 1998. 416 s.*
12. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv. F. 560. Op. 21. D. 506. L. 18 ob.*
13. *Remnev A. V. Rossiya Dal'nego Vostoka. Imperskaja geografija vlasti XIX — nachala XX vekov. Omsk: Izd-vo OmGU, 2004. 552 s.*
14. *Remnev A. V. Samoderzhavie i Sibir'. Administrativnaja politika vo vtoroj polovine XIX — nachale XX vv. Omsk : Izd-vo OmGU, 1997. 253 s.*
15. *Remnev A. V. Problemy upravlenija Dal'nim Vostokom Rossii v 1880-e gg. // Istoricheskij ezhegodnik. Omsk: Izd-vo OmGU. 1996. S. 17–30.*
16. *Salogub Ja. L. Osobennosti formirovanija administrativnoj sistemy Dal'nego Vostoka vo vtoroj polovine XIX — nachale XX veka // Sotsial'no-etnicheskie protsessy v mikro- i makroistorii: Sb. materialov V ezhegodnoj nauchno-teoreticheskoj konferentsii «Chelovek v istorii». 22–23 dekabrja 2005 g. / Pod red. T. V. Vorob'evoj, T. P. Minchenko. Petropavlovsk-Kamchatskij: Izd-vo KamGU, 2006. S. 379–386.*
17. *Salogub Ja. L. Administrativnaja sistema Kvantunskoj oblasti: struktura i polnomochija organov upravlenija (1898–1899 gg.) // Pravo i politika. 2008. № 5. S. 1262–1269.*
18. *Serebrennikov I. I. Sibirevedenie. Harbin: Tipografija KVZHD, 1920. 93 s.*
19. *Uchrezhdenie Sibirskoe // Svod zakonov Rossijskoj Imperii: V 16 t. Izd. 1892. T. 2. Ch. 2. SPb.: Obshchestvennaja pol'za. S. 269–302.*
20. *Shperk F. F. Rossiya Dal'nego Vostoka. SPb.: Tipografija Akademii nauk, 1885. 503 s.*

Е. Н. Лисицына

ТРУД ЯПОНСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В НЕФТЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ САХАЛИНА В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Статья посвящена проблеме использования труда японских военнопленных на работах по восстановлению и развитию нефтяной промышленности Сахалина в послевоенные годы. В ней приводятся данные о численности японских военнопленных, указаны предприятия нефтяной промышленности, использовавшие их труд, отражены условия труда и быта военнопленных, выполнение ими производственных норм. Делается вывод о том, что в условиях катастрофической нехватки рабочей силы труд японских военнопленных явился одной из основ возрождения нефтяной отрасли Сахалина.

Ключевые слова: Сахалин, японские военнопленные, объекты нефтяной промышленности, выполнение норм, репатриация.

E. Lisitsina

The Work of Japanese Prisoners of War in the Sakhalin Oil Industry in the Post-war Years

The article deals with the employment of Japanese prisoners of war for the reconstruction and development of Sakhalin oil industry in the postwar years. The number of Japanese prisoners of war is indicated as well the oil industry enterprises where they worked, the working

and living conditions of prisoners of war, the implementation of production rules. It is concluded that under the conditions of catastrophic shortage of labor, the labor of Japanese prisoners was one of the foundations of the revival of the oil industry of Sakhalin.

Keywords: Sakhalin, Japanese prisoners of war, oil industry objects, performance standards, repatriation.

На территории Маньчжурии, Северной Кореи, Южного Сахалина и Курильских островов войсками Советского Союза было взято в плен около 600 000 японских военных. По постановлению № 9898сс Государственного комитета обороны СССР от 23 августа 1945 года «О приеме, размещении и трудовом использовании военнопленных японской армии» около 500 тысяч из них были этапированы на территорию СССР и размещены в 30 регионах Советского Союза. 5 тысяч военнопленных японцев Главное управление НКВД СССР направило в распоряжение Наркомата нефтяной промышленности для привлечения их к работе в тресте «Сахалиннефть» и на нефтеперегонных заводах [21]. Этот контингент положил начало процессу восстановления подорванной войной нефтяной промышленности дальневосточного края.

На севере острова, являвшегося центром добычи нефти на Дальнем Востоке, японские военнопленные появились в сентябре 1945 года, прибыв в город Оху двумя партиями в количестве 1900 человек. Они составили основу контингента, сформированного в октябре Охинского лагеря военнопленных № 22, в котором содержались солдаты и офицеры японских воинских формирований, ранее расквартированных на Южном Сахалине. Часть военнопленных являлась постоянными жителями губернаторства Карафуто. На 13 октября 1945 г. в Охинском лагере находились 1985 военнопленных, в том числе 16 офицеров, 207 старшин и сержантов и 1762 рядовых [1, с. 280].

Первоначально лагерь состоял из пяти отделений. Первое лагерное отделение на 500–510 человек находилось в самом городе Оха. Второе — на 330 человек — в поселке Восточное Эхаби. Третье отделение, в кото-

ром содержалось в среднем около 120 человек, располагалось в местечке, получившем название «7-е озеро». В него отправляли организаторов побегов и японских офицеров, «вредно влияющих на солдат». Здесь были более жесткие условия работы: рабочий день длился 10 часов и требовалось безусловное выполнение производственных заданий. Четвертое отделение, с 540 военнопленными, размещалось в поселке Эхаби и пятое — в поселке Бирюкан. В нем содержалось 425 человек [1, с. 280].

Работать японские военнопленные должны были на предприятиях трестов «Сахалиннефть» (объединения «Дальнефть»), «Дальнефтеразведка» и «Сахнефтестрой», с которыми у администрации Охинского лагеря были заключены договоры [1, с. 282].

Первый такой договор был подписан уже 18 октября 1945 г. между начальником управления лагерем майором А. Ф. Рачковым и управляющим трестом «Сахалиннефть» И. Ф. Каркотенко [16, с. 21–26]. Согласно договору, лагерь выделял «Сахалиннефти» (далее — *хозоргану*) рабочую силу в количестве 850 человек для производства общестроительных и лесозаготовительных работ. Из них 130 человек поставлял лагерный участок Бирюкан и 720 человек — лагерное отделение Эхаби. Хозорган должен был выделять лагерю такие объекты для работ, «на которых исключены контакты лагерного контингента с вольнонаемными рабочими, кроме лиц, которые должны руководить их работой, либо квалифицированных рабочих, без которых невозможна работа контингента лагеря. Число таких лиц, допускаемых к общению с контингентом лагеря, должно быть сведено к минимуму. Персональные списки их предварительно согласовываются с Управлением лагеря».

Военнопленные должны были быть разбиты на бригады не менее 30 человек в каждой; рабочий день должен был составлять от 8 до 10 часов [16, с. 21]. Место работы военнопленных должно находиться от лагеря не далее 3 км. Каждый километр свыше третьего должен был оплачиваться как 15 минут работы по ставке повременщика. Пешие переходы свыше 5 км в один конец не допускались [16, с. 26].

Однако к реальному приему военнопленных лагерные отделения оказались не готовы. Жилые помещения на зиму оборудованы не были. На месте Охинского лагерного отделения стоял полусгнивший барак. Территория зоны представляла собой марь, и людям приходилось ходить по воде. В Восточном Эхаби лагерное отделение находилось в сгнивших землянках. Требовало капитального ремонта и здание поселка Эхаби [1; с. 280–281].

Первые месяцы пребывания японских солдат и офицеров в советском плену были крайне тяжелыми. Так, проверкой врачебно-трудовой комиссии, которая прошла в ноябре 1945 года в лагерном отделении Эхаби, было установлено, что вследствие преступной бездеятельности и бытового разложения руководства лагерного отделения в лице его начальника Соловьева и младшего лейтенанта Рогоулько, а также медицинского работника — фельдшера Максимова, 100% военнопленных были завшивлены, поголовно заражены чесоткой, доводящей до коросты на теле. Никакой санобработки и мытья военнопленных в бане не производилось. Прачечные и дезокамеры на участке не были оборудованы. Поскольку стирка белья не была организована, 90% военнопленных ходили в грязной, нестиранной одежде. Военнопленные сутками не получали хлеб, пищу. Кладовщик, сержант Попов, пьянствовал. На пищеблоках была грязь. В казармах также было грязно. Жилые помещения не были оборудованы для жилья. Трудоиспользование военнопленных не было налажено. Они выходили на работу

в 9 часов, а уже в 16.00 часов возвращались обратно. Наряды не оформлялись. Отсутствие профилактических мероприятий привело к смерти одного военнопленного [1, 281].

Аналогичная ситуация складывалась и в других лагерных отделениях. Особенно плохо обстояло дело с организацией питания. Неоднократно проводимые администрацией лагеря внутренние расследования констатировали многочисленные факты хищения продуктов в крупных объемах, замены одних видов продуктов на другие — менее калорийные или худшего качества [3, с. 119, 156]. В результате этого врачебно-трудовая комиссия осенью 1946 года отмечала истощение значительной части военнопленных, увеличение среди них трудоспособных 3-й группы, которых использовали на внутрилагерных работах с сокращенным (4–6 часов) рабочим днем [2, с. 18].

Однако, несмотря на крайнюю бытовую неустроенность и в целом плохое физическое состояние военнопленных — 254 человека нуждались в госпитализации [13, с. 20] — их привлекли к тяжелому физическому труду. Первоначально их использовали на работах, направленных на жизнеобеспечение нефтепромыслов, таких как лесозаготовка, отгрузочно-разгрузочные работы, а также в гражданском строительстве [9, с. 40]. При организации работ условия договоров часто нарушались. Так, по сообщениям майора А. Ф. Рачкова начальнику краевого управления НКВД, некоторые рабочие объекты находились от лагеря на расстоянии 16–18 км (в оба конца) и дорога до них пешим ходом занимала 4 часа. В декабре при 7-часовом световом дне «контингент на зону выходил в 6.00 и возвращался в 20–21 час». «Сахнефтестрой» должен был предоставить транспорт для подвоза рабочей силы, но не предоставил, да и в тайгу, где работали военнопленные, ни один из имеющихся видов транспорта не мог пройти [19, с. 181].

Военнопленные выводились на ручную трелевку леса прошлогоднего повала, находящегося под снегом, покров которого дос-

тигал одного метра. Прежде чем найти бревно и вручную вытащить его на чистое место, надо было расчистить тропу и снег вокруг бревна. Причем всю подготовительную работу по расчистке снега хозяйственный орган не включал в наряд, а записывал только кубатуру стрелеванных бревен [19, с. 181].

Слабая организация труда, тяжелые бытовые условия и неважное физическое состояние людей неблагоприятно влияли на выход военнопленных на работу и на выполнение ими норм выработки. Так, в январе 1946 года план вывода военнопленных на работу выполнялся только по тресту «Сахалиннефть», по конторе «Сахалиннефтестрой» вывод составлял 75%, а по «Дальнефтеразведке» — всего 58% от плановых показателей. В целом по лагерю в 1946 году вывод контингента на работу не превышал 80% [5, с. 5], что отражалось на производственных показателях. Как отмечалось в секретном приказе № 28 от 15 февраля 1946 года, по лагерю «выполнение норм не превышает 45% за исключением отдельных небольших бригад» [3, с. 15]. В этих условиях 21 марта 1946 года начальником управления лагеря был издан приказ № 76, согласно которому требовалось «немедленно ввести в действие приказ № 0249 НКВД СССР. Бригады военнопленных, не выполняющих нормы, оставлять на работе на два часа свыше восьми. Применять лагерные поощрения и наказания, предусмотренные приказом» [3, с. 24].

Следует отметить, что руководство лагеря действовало не только репрессивными мерами. Для более эффективного использования военнопленных и повышения производительности их труда был проведен ряд организационных мероприятий. Так, к руководству бригадами были привлечены работники треста [3, с. 24]. Бригадиры обеспечивали своих подопечных инструментами, расставляли людей по рабочим местам, наблюдали за процессом работы. 15 марта 1946 года между бригадами было организо-

вано трудовое соревнование [19, с. 182]. Бригады, выполнявшие нормы на 100% и выше, обеспечивались дополнительным питанием, табаком и добротным обмундированием. С этого времени воспрещалось выводить военнопленных на объект, расположенный далее 5 км от лагеря. Был установлен 8-часовой рабочий день [19, с. 183].

В мае 1946 года к военнопленным-передовикам была применена такая мера поощрения как расконвоирование. По приказу начальника управления лагеря № 159 от 30 мая 1946 года было расконвоировано 18 человек грузчиков, 26 человек вахтенных на буровых в Эхаби и 9 человек, работающих в центральной мастерской на Охинском нефтепромысле [3, с. 66–67]. К сожалению, в связи с побегом в июле месяце военнопленного Сузуки Иссио, применение этой меры в августе 1946 г. было прекращено [3, с. 95].

Расширилась и сфера применения труда военнопленных. Из них выделили специалистов, которых стали привлекать непосредственно к работе на буровых. Их разбивали на бригады с учетом однородных специальностей и закрепляли за объектами. Так, военнопленные лагерного отделения № 1 (Оха) были заняты на работах в механической мастерской и на добыче нефти, отделения № 2 (Восточный Эхаби) — на расчистке площадок под буровые, отделения № 4 (Эхаби) — на постройке вышек, добыче нефти, отделения № 5 (Бирюкан) — добыче нефти [9, с. 40]. К 1947 году на нефтепромыслах работало уже более трети выводимого на работу контингента.

Одной из проблем, которая к весне 1946 года начала существенно сдерживать развитие нефтяной промышленности острова, было отсутствие надежного сообщения между центром нефтяной промышленности Сахалина — городом Охой и промыслами северо-западного побережья, где находились наиболее перспективные месторождения нефти. Для решения этой задачи в мае 1946 года из числа военнопленных был

сформирован дорожный батальон численностью 500 человек. В Охинском лагерном отделении содержалось 150, в Эхаби — 100, на Бирюкане — 200 и на 7-м озере — 50 человек, членов этого батальона [3, с. 70].

Труд содержащихся в лагере военнопленных скудно, но оплачивался. Оплата труда специалистов (инженеров, техников и т. п.) была установлена по соответствующим должностным окладам местных вольнонаемных сотрудников [16, с. 23]. Деньги заносились на лицевые счета каждого работающего [19, с. 182].

В декабре 1945 года трудодень военнопленного составлял 14 рублей 18 копеек [19, с. 181], а один день содержания в декабре 1946 года составлял 13 рублей 34 копейки [3, с. 163]. Таким образом, средства, заработанные военнопленными, покрывали не только расходы на их содержание, но и прочие затраты лагеря, который за время своего существования (1945–1949 гг.) ни разу не получал каких-либо дотаций от государства [9;36]. Мало того, на заработанные военнопленными средства тресты решали свои производственные проблемы, задолжав к январю 1946 года лагерю крупные суммы: «Сахалиннефть» — 123 тыс. руб., «Сахнефтестрой» — 175 тыс. руб., «Дальнефтеразведка» — 128 тыс. руб. Всего на февраль 1946 года сумма долга трестов перед лагерем составила 426 тысяч рублей [5, с. 5]. Крайняя нерегулярность оплаты счетов за сделанную работу приводила к неоднократным конфликтам между руководством лагеря и хозорганами, так как финансовые долги последних фактически лишали лагерь оборотных средств и влияли на уровень содержания контингента [5, с. 10].

Тем не менее жизнь военнопленных медленно, но стабилизировалась. Это коснулось не только организации их труда, но и быта. Конечно, недостатки, а порой и вопиющие безобразия, в организации бытовой сферы продолжали иметь место. Например, в ноябре 1946 года было выявлено 10 случаев обморожения на «7-м озере», которые

руководство отделения допустило из-за собственной халатности, а затем скрыло [3, с. 155]. Но в целом подвижки в лучшую сторону становились все ощутимее, что зафиксировала работавшая в июне 1946 года комиссия по проверке лагерных отделений [4, с. 35]. Так, из-за нехватки имущества, поступившего из Хабаровска с большими перебоями, в марте 1946 года при лагере организовали мастерские по ремонту и пошиву одежды и обуви [19, с. 180]. На «7-м озере» был проведен свет, переложены печи, перестроены нары. В лагерном отделении Эхаби закончено строительство бани и дезинфекционных камер [19, с. 182]. На Бирюкане отремонтировали хлебопекарню [4, с. 16]. При управлении лагеря и в лагерных отделениях были созданы комиссии по питанию, которые еженедельно докладывали ситуацию руководству лагеря [19, с. 182]. Улучшение условий труда и быта способствовало постепенному росту производительности труда военнопленных, которая в 1946 году в среднем достигла более 80% [13, с. 22].

4 октября 1946 года Совет Министров СССР принял постановление «О репатриации из СССР японских военнопленных и интернированных гражданских лиц». Однако с исполнением постановления краевые и местные власти не спешили: быстрая репатриация грозила оставить дальневосточные предприятия без рабочей силы. Понимая эту проблему, 28 августа 1947 года Совет Министров СССР принял постановление № 3014 «О репатриации из Сахалинской области японских военнопленных и интернированных гражданских лиц и о переселении колхозников и другого сельского и городского населения в Сахалинскую область для работы в промышленности и на транспорте». Постановление предусматривало целый комплекс мер по замещению репатрируемого населения. Однако реализация постановления требовала продолжительного времени, поэтому в Оху первый приказ УМВД Хабаровского края о частич-

ной репатриации военнопленных пришел только 13 октября 1947 года. Скорый отъезд домой и подготовка к нему вызвали у военнопленных определенный трудовой подъем [10, с. 18]. Итоги работы лагеря за 1947 год свидетельствуют, что производительность их труда в этот период значительно возросла. Если в марте 1947 года количество военнопленных, выполнявших производственные нормы на сто и более процентов, составляло 495 чел., то в мае их стало 811 [10, с. 18], а в августе — 1120 чел. [9, с. 41]. В октябре средняя производительность труда по лагерю составила 129,1%. Финансовый план был выполнен на 102,3% [7, с. 109].

Среди военнопленных развернулось трудовое соревнование, в которое в марте включилось 30 бригад. В апреле соревнованием было охвачено уже 107 рабочих бригад [10;18]. Особенно хорошо работали бригады: Иваи, выполнившая месячное задание на 151%, Маруяма — 144%, Ямада — 136%, бригада вахтовых Охинского промысла — 135%. За трудовые успехи все бригады получили премию по 830 руб. и папиросы из расчета пять пачек на человека [7, с. 109].

Осенью 1947 года на военном корабле «Надежда Крупская» первая партия военнопленных в количестве 750 человек, среди которых было 7 офицеров, 61 унтер-офицер и 682 рядовых была отправлена в Японию [6, с. 23].

Отъезд значительной части контингента заставил руководство лагеря бережнее относиться к оставшимся. «Сохранение физического состояния военнопленных японцев является сейчас одной из серьезных задач...», — отметил в своем приказе № 157 от 7 мая 1947 года начальник управления лагерем подполковник А. И. Бадьин [8, с. 81]. Руководство отделений было поставлено перед необходимостью заниматься оздоровлением вверенного им контингента. В результате этого 25 июня 1947 года приказом № 192 при лагере был образован дом отдыха. Решение о направляемых туда кан-

дидатурах принимал антифашистский актив лагеря [19, с. 183].

Произошли изменения и в самой структуре лагеря. Во-первых, в соответствии с приказом МВД СССР № 945 от 6 сентября 1947 г. и УВД по Хабаровскому краю № 209 от 13 сентября того же года лагерь с 1 октября 1947 года был передан в ведение УМВД по Сахалинской области [7, с. 73]. Во-вторых, еще в апреле 1947 г. было закрыто лагерное отделение «7-е озеро» [9, с. 18], а в сентябре расформировано лагерное отделение Бирюкан [6;24].

В итоге к 1948 году лагерь стал состоять из трех отделений.

Сокращение лагерного контингента обострило общую для всех отраслей проблему — острую нехватку рабочей силы. В результате этой и комплекса других причин добыча нефти на острове начала снижаться: с 811,7 тыс. тонн в 1946 году до 734,9 тыс. в 1947 году [22, л.10]. Поэтому срок репатриации военнопленных на Родину из сахалинского лагеря был перенесен на 1948 год [10, с. 37]. Однако уполномоченный по делам репатриации генерал Голиков признавал, что, несмотря на нарушение существующего соглашения, народно-хозяйственные интересы не позволяют закончить репатриацию японцев даже в течение 1948 года [20].

10 августа 1948 года Совет Министров СССР принял секретное постановление «О мероприятиях по развитию добычи нефти на острове Сахалине», которое предусматривало целый комплекс мер для обеспечения роста добычи нефти — с 760 тыс. тонн в 1948 году до 2 млн тонн в 1952 году [2, с. 92–133]. Для обеспечения перечисленных в постановлении мероприятий рабочей силой Министерству внутренних дел СССР было поручено организовать на севере острова исправительно-трудовой лагерь на 8 тысяч заключенных с таким расчетом, что к 1949 году численность заключенных в нем достигла бы 15 тысяч человек [2, с. 92–133]. 30 сентября 1948 г. Охинский лагерь военно-

пленных № 22 «со всем личным составом, контингентом военнопленных, со всеми материальными ценностями» был включен в состав вновь образованного Сахалинского исправительно-трудового лагеря МВД СССР [3, с. 1]. Существовавшие 3 лагерных отделения в октябре 1948 года были слиты в одно с лимитом военнопленных — 1050 чел. Местом дислокации отделения осталась Оха. При отделении были сформированы две подкомандировки: промысел «Эхаби» с лимитом 200 человек для работ на промысле и в конторе бурения и «Северная Оха» с лимитом 150 человек для работ на лесозаготовках треста «Сахалиннефтестрой» [13, с. 61]. Кроме этого, японские военнопленные, наряду с советскими заключенными, приступили к созданию дорожно-транспортной инфраструктуры, связывающей нефтяные месторождения между собой и с Охой.

В 1948 году производительность труда японских военнопленных продолжала оставаться достаточно высокой. 33% всего трудового контингента лагеря давали производительность свыше 125%, из них 15% давали производительность свыше 150%. Отдельные бригады давали по 200%, а одна бригада — 228% плана [13, с. 22]. Причем, как отмечалось в «Обзоре по трудовому использованию военнопленных», за 1948 год специалисты «представляют на сегодня большинство из всего работающего состава контингента» [13, с. 26]. Лучшей бригадой в лагере в этот период была бригада Нарито, производственные показатели которой достигли 246%. Хороших показателей добилась и бригада Мацуда, выполняющая нормы более чем на 200% [12, с. 122].

Однако к концу 1948 года производительность труда военнопленных стала падать [17, с. 11]. Невыполнение норм, как отмечается в документах, «давали в основном бригады, имевшие пониженную трудоспособность» [18, с. 29]. Число таких бригад, как и количество ослабленных людей, в них неуклонно росло. Проверкой было установлено, что причиной сложившейся си-

туации является весьма значительный перерыв у военнопленных между завтраком и горячим приемом пищи на ужин — более 13 часов (с учетом переходов до места работы и обратно). Непосредственно в тайге на валке и трелевке леса военнопленные находились 10–12 часов. Пищу им приходилось принимать прямо на рабочем месте, причем обед был малокалорийный — замерзший хлеб и соленая рыба. В нарушение приказа питьевые дрожжи и стланниковый настой военнопленным не давались. В палатках для обогрева было холодно, что не способствовало нормальному отдыху людей. Все военнопленные жаловались на боль и общую слабость [11, с. 4]. Поэтому наряду с ликвидацией выявленных нарушений в январе 1949 года в лагере вынуждены были организовать так называемую «команду отдыхающих» на 115 человек. В нее сроком на 10 дней отправляли тех военнопленных, чье физическое состояние требовало дополнительной поддержки. Условием пребывания в этой команде являлось выполнение производственной нормы [14, с. 1]. Предпринятые меры способствовали тому, что производительность труда военнопленных вновь начала повышаться.

На начало 1949 года лагерный контингент насчитывал около 1000 человек. Безусловно, их тяжелый труд, используемый для восстановления нефтяной промышленности области, не мог переломить накопившиеся в ней за годы войны серьезные трудности. Однако он стал той основой, с которой в 50-е годы началось возрождение нефтяной отрасли Сахалина.

19 сентября 1949 года на пароходе «Иван Кулибин» на Родину отправилась вторая партия японских военнопленных в количестве 708 человек. Последняя партия численностью 250 человек была вывезена в порт Находка и репатриирована в Японию 23 октября 1949 года [19, с. 187]. 18 ноября 1949 года начальник управления Сахалинского лагеря МВД СССР подполковник Д. Успенский издал приказ № 143, предпри-

сывающий «В связи с окончанием репатриации военнопленных японцев лагерное отделение военнопленных ликвидировать» [15, с. 304].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Высоков М. С., Лисицына Е. Н.* Принудительный труд в нефтяной промышленности Сахалина во второй половине 40-х — начале 50-х годов XX века // Вестник ТОГУ. Хабаровск. 2011. № 4(23).
2. Государственный исторический архив Сахалинской области (далее — ГИА СО). Ф.200, оп.1, д.1.
3. ГИА СО. Ф.200, оп.1, д.7.
4. ГИА СО. Ф.200, оп.1, д.9.
5. ГИА СО. Ф.200, оп.1, д.10.
6. ГИА СО. Ф.200, оп.1, д.17.
7. ГИА СО. Ф.200, оп.1, д.20.
8. ГИА СО. Ф.200, оп.1, д.21.
9. ГИА СО. Ф.200, оп.1, д.23.
10. ГИА СО. Ф.200, оп.1, д.27.
11. ГИА СО. Ф.200, оп.1, д.29.
12. ГИА СО. Ф.200, оп.1, д.31.
13. ГИА СО. Ф.200, оп.1, д.32.
14. ГИА СО. Ф.200, оп.1, д.35.
15. ГИА СО. Ф.210, оп.5, д.6.
16. ГИА СО. Ф.948, оп.3, д.3.
17. ГИА СО. Ф.948, оп.3, д.26.
18. ГИА СО. Ф.948, оп.3, д.27.
19. *Драгунова Л. В.* Японские военнопленные на Сахалине: история и судьбы //Сахалин и Курилы в войнах XX века: Материалы научной конференции. Южно-Сахалинск, 2005.
20. *Карпов В.* Репатриация японского гражданского населения и военнопленных с территории Сахалина и Курильских островов после Второй мировой войны [Режим доступа] http://srchome.stav.hokuda.ac.jp/pdf_seminar/0408
21. Русский архив: Великая Отечественная. Советско-японская война 1945 года: история политического противоборства двух держав в 30–40-е годы. М.: Терра, 2000. Т. 18 (7–2).
22. *Шалкус Г. А.* Основные показатели развития промышленности Сахалинской области в 1946–1995 годах // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск: Изд-во СахГУ, 1996. № 4.

REFERENCES

1. *Vysokov M. S., Lisitsyna E. N.* Prinuditel'nyj trud v neftjanoj promyshlennosti Sahalina vo vtoroj polovine 40-h — nachale 50-hgodov XX veka // Vestnik TOGU. Habarovsk. 2011. № 4(23).
2. Gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Sahalinskoj oblasti (dalee — GIA SO). F.200, op.1, d.1.
3. GIA SO. F.200, op.1, d.7.
4. GIA SO. F.200, op.1, d.9.
5. GIA SO. F.200, op.1, d.10.
6. GIA SO. F.200, op.1, d.17.
7. GIA SO. F.200, op.1, d.20.
8. GIA SO. F.200, op.1, d.21.
9. GIA SO. F.200, op.1, d.23.
10. GIA SO. F.200, op.1, d.27.
11. GIA SO. F.200, op.1, d.29.
12. GIA SO. F.200, op.1, d.31.
13. GIA SO. F.200, op.1, d.32.
14. GIA SO. F.200, op.1, d.35.
15. GIA SO. F.210, op.5, d.6.
16. GIA SO. F.948, op.3, d.3.

17. GIA SO. F.948, op.3, d.26.

18. GIA SO. F.948, op.3, d.27.

19. *Dragunova L. V.* Japonskie voennoplennye na Sahaline: istorija i sud'by // Sahalin i Kurily v vojnah XX veka: Materialy nauchnoj konferentsii. Juzhno-Sahalinsk, 2005.

20. *Karpov V.* Repatriatsija japonskogo grazhdanskogo naselenija i voennoplennyh s territorii Sahalina i Kuril'skih ostrovov posle Vtoroj mirovoj vojny [Rezhim dostupa] http://srchome.stav.hokuda.ac.jp/pdf_seminar/0408

21. Russkij arhiv: Velikaja Otechestvennaja. Sovetsko-japonskaja vojna 1945 goda: istorija voenno-politicheskogo protivoborstva dvuh derzhav v 30–40-e gody. M.: Terra, 2000. T. 18 (7–2).

22. Shalkus G.A. Osnovnye pokazateli razvitiya promyshlennosti Sahalinskoj oblasti v 1946-1995 godah // Kraevedcheskij bjulleten'. Juzhno-Sahalinsk: Izd-vo SahGU. 1996. № 4.

A. B. Соколов

ДЕЛО ОБЕР-ПРОКУРОРА СИНОДА Н. П. РАЕВА В 1917 году

Статья посвящена изучению следственных материалов, собранных в 1917 году Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства в связи с деятельностью последнего царского обер-прокурора Святейшего Синода Н. П. Раева. Хотя этот чиновник и избежал ареста во время Февральской революции, однако в отношении него всё же было заведено дело в связи с обвинением в «неправосудии» при ведении двух бракоразводных процессов осенью 1916 года. Статья существенно дополняет имеющиеся в историографии сведения о работе Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, а также о судьбе одного из высших царских чиновников кануна Февраля. Вводятся в научный оборот ранее не известные документы из Государственного архива Российской Федерации.

Ключевые слова: обер-прокурор Раев, Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства, Бярятинский, Яворская, Синод.

A. Sokolov

The Case of Procurator of the Holy Synod N.P.Raev in 1917

The article studies the materials collected by the Extraordinary Investigative Commission of Russian Provisional Government in 1917 in connection with the activities of the last imperial Procurator of the Holy Synod N.P.Raev. Although he was not arrested during the February Revolution, the investigation against him was started in connection with the charges of his "injustice" in the conduct of two divorce cases in the autumn of 1916. The article adds to the information available in the historiography about the Extraordinary Investigative Commission, as well as about the fate of the one of the highest royal officials on the eve of February. The article draws on previously unknown documents from the State Archive of the Russian Federation (Moscow).

Keywords: Procurator Raev, Extraordinary Investigative Commission of the Provisional Government, Baryatinsky, Yavorskaya, Holy Synod.

Несмотря на наличие ряда работ, посвященных истории Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства* (далее — ЧСК) [8; 12], занимавшейся рас-

следованием деятельности бывших царских сановников, в историографии ничего не говорится о собранных комиссией материалах, касающихся деятельности последнего